

Этнографические замечания о песнях весенне – летних обрядов Псковской области (на основе экспедиционной работы ФЭЦ)

Фольклорные традиции Псковской области восходят к раннему периоду истории древнерусской культуры, складывались и развивались на территории расселения летописных кривичей.

Вместе с тем Псковская область – это зона межэтнических контактов славянских и прибалтийских народов. В более поздние времена южно – псковские районы оказываются на пограничье России и Белоруссии; в сферу влияния новгородского и тверского княжеств попадают восточные районы Псковской земли.

Стратегическое положение Пскова, вотчинный уклад землепользования, близость Петербурга, образование старообрядческих поселений – всё это определяло особенности хозяйственного уклада, своеобразие форм общинного и семейного быта, состояние культурных традиций псковской деревни.

Одной из самых ярких сторон псковской народной музыкальной культуры являются песни, связанные с календарно – земледельческими обрядами.

Следы некогда широко распространённого и детально разработанного в своей этнографической основе цикла обрядов зафиксированы фольклорными экспедициями почти повсеместно на территории области в 70 -90 годы.

Отражая древние представления человека об окружающем его мире, обряды годового круга составляли неотъемлемую и необходимую часть производственной деятельности земледельца. Поэтические образы славянской мифологии, возникшие в русле анимистических представлений, и ранние формы музыкального интонирования, закрепившиеся в обрядовой практике, как магические формулы, с течением времени усложняясь и в функциональном, и в структурном отношении, положили начало музыкально – поэтическим формам, вошедшим в традиционный обрядовый фольклор.

Отражая древние представления человека об окружающем его мире, обряды годового круга составляли неотъемлемую и необходимую часть производственной деятельности земледельца. Поэтические образы славянской мифологии, возникшие в русле анимистических представлений, и ранние формы музыкального интонирования, закрепившиеся в обрядовой практике, как магические формулы, с течением времени усложняясь и в функциональном, и в структурном отношении, положили начало музыкально – поэтическим формам, вошедшим в традиционный обрядовый фольклор.

«У нас дрявням празнуют. Вот на этот Иван, завтра днём, молодёжь вся скапляется, туды утправляется(в деревню Копаницы). И целый день гуляют: наверна, с часу или с двух, атправятца и да вечера там гуляют. Ну вот, на дрявни тут и ходют. А в каво где каки родичы, тагда в гости заходят.. Где хорошии плашцадки – танцуим; натанцуимсе, тады дамой идём под – ручки, кто с кем знаетца. (По дороге) пели, да и как! Чуть ли ни на галавы хадили...» (д. Гверстонь, Печорский р – н).

По экспедиционным материалам, в северо – западных и центральных районах псковской области песен, специально приуроченных к празднику Ивана Купалы, нет: *«Каки (песни) на ум прихадили, таки и пели»* (д. Гверстонь, Печорский р – н).

На юге Псковщины иванов день предстаёт как кульминационный момент в цепи праздников весенне – летнего периода. В этой местности существует сложный по составу и функциональной направленности цикл купальских обрядов и разветвлённая система музыкально – поэтических форм, раскрывающих или дополняющих образно – семантическое содержание обрядовых действий.

Пение иванских песен, инструментальная музыка, пляски считались необходимой частью праздника, имеющей и ритуальное, и эстетическое значение.

Остановимся подробно на цикле обрядов, совершавшихся в ночь на Ивана по материалам из Великолукского, Невельского, Себежского районов и выделим основные моменты, связанные с исполнением купальских песен.

Ритуальный характер имеет уже начальный эпизод праздника – сбор участников гулянья: *«Женица вот у байню сходить тут вечырам, а тада яна уже выходить. Выходить, руку за вухо и кричат: «Сяводни Купальна, завтра Иван!» - превую зачинать. А тада уже с канца дрявни женицины даждидают, сабираютца и идуть, и еты подхватывают ей, пают, и тада усю ночь пают. Ой, ой, Красива!»*

(д. Чернея, Себежский р-н).

Выходили всей деревней, на высокую гору петь песни, а кто сидел дома, тех корили, как это они не идут! И надо было всем открывать окна и дворы, как не открыть, когда так красиво на улице.

Очень важным представлялся факт приготовления обрядовой еды – кулаги и выход с кулагой и с пением в рожь. Была в деревне женщина, которая варила эту сладкую кулагу из ржаного солода. Она выходит из дома, а в переднике у неё наложена кулага, кусочками. И все к ней подходят, она раздаёт по кусочку и они, запевая, и идут в поле. В деревне Дашково и Бояриново Себежского района записаны песни, сопровождающие этот обряд: *«Мы дёрним – подёрним», «Иван да Марья».*

С огнями, песнями выходили в ржаное поле и жгли колёса. Действие огней (костров, факелов, зажжённых колёс) и песен, исполняемых в ржаном поле, объясняют так: *« Введьму ганяли купальскую. Тадыж ведьмы были...Каровам урядили, малако каровы не давали»* (д. Рыжее Сиденье, Невельскиййр – н).

Тексты купальских песен, основанные на древних мифологических сюжетах, связаны с культом солнца, продуцирующей магией. Костры жгли на горе, горящее колесо поднимали высоко на жердину или на макушку сосны, ёлки. Рядом с костром устраивали колыски (качели). Всё действие сопровождалось пением, игрой на музыкальных инструментах, плясками.

Пепел от иванского костра рассеивают по полям, чтобы хлеб родился.

С солярным культом связан обычай встречи восходящего солнца, образ которого часто встречается в песнях.

Разнообразны формы обрядовых бесчинств молодёжи в купальскую ночь. Среди них следует особо выделить следующие группы, магический смысл которых легко читается в контексте всей иванской обрядности: катались, боролись во ржи, загоняли в рожь Иванов да Марий, девушки задорили парней, рядились чаровниками, подпирали двери, закладывали трубу, пели корильные песни.

Особый круг песен сопровождал сбор цветов и трав, девичьи гадания на венках.

Среди сюжетов иванских песен наиболее распространены следующие: *«Иванская ночка, купецкая дочка»*, *«Сегодня Купала, завтра Иван»*, *« Пойдём, девки, в жито»*,

«За городом девка шиёнку жнёт».

Широко распространены гадания накануне Иванова дня. В первую очередь загадывали на иванские травы. Чаще всего использовали богатки, припутник.

«Иван такей Цвятнэй летом бываеть празник...Завтра б Иван, а сягодні вечаром загадывають, на этот припутник. Раз он ли дароги, люди ж ходят ли дароги. Пад галаву паложись, пад падушку, вытянешь припутник, или там и атарвёшь листинку, вот и загадываешь, што:

Припутник, припутник,

Ли дароги живёшь, многа людей видишь.

Укажи - ка мне маёва суженага»

(Нев., Усово 1939 -19)

Для гадания нужно было вырвать траву с корнем: *«А для загадок, то с корешком»* (Нев., Рыжаки).

Сорванную траву затыкали в стену или потолок, наутро смотрели – расцветёт или нет. Если расцветёт, то жив человек будет на кого гадают, а нет, значит померёт.

Распространено было гадание на венках, которые плели как из одинаковых цветов, так и из цветов разных видов. Бросали венки в колодец, при этом девушки могли загадывать на два венка – на себя и на парня.

«Ну, вот я вью вянки, примерна, на аднаво там с рамашек, на другога с васильков, ну и бросаю в ключ свой. Венок на себя савьёшьи на этих ребят савьёшь. Ну и к каторам увянку твой вянок падайдёт, всё гаварили, што абязательна судьба твоя» (Нев., Голыни).

Венки пускали в озеро: *«Загадывают дивчаты. Куды тот вянок папывёт, туды замуж зайдёт».* Девушка про себя проговаривала: *«Плыви туда, мой венок, куда мне замуж идти» (Нев., Молокоедово).*

В д. Малюки записано гадание, при котором девушка на выданье, стремясь узнать о своём будущем, ночевала в амбаре с венком на голове и загадала, что б суженый пришёл венком снимать. И во сне увидела парня, которого раньше не видела, это был её жених.

Иванские цветы, особенно освещённые в церкви, наделялись целебными магическими свойствами: ими дымят над больным, «курют гроб», зажигают траву во время отёла коровы.

В этот период особо актуальными становились рассказы, былички окладах, колдунах, колдуньях, ведьмах, чаровницах, заклинках.

«Ходи в Ивановскую ночь, где – нибудь увидишь аганёк гарить, эта там клад – иди капай» (Пуст., Торчилово). Детям не разрешали ходить в лес, пугая русалками, «лизунами»: *«Только папайди к вады, то лизун схватит...Только папайди к колодцу...» (Нев., Терпилино).*

Описание внешнего вида и поведения колдуний, записанное в д. Кресты, по – видимому связано с обликом русалок: *«сядут на берёзу, волосья распускали, поймають кого, защокочуть» (Нев., Кресты).*

Чтобы уберечь дом и скотину от колдунов, вешали в сарае пучки крапивы.

Основные события иванской обрядности приурочены к кануну Иванова дня.

В этот день обязательным было участие в церковной службе, праздновании Рождества св. Иоанна Крестителя.

Иванские напевы обслуживают не только купальский обряд, но целый цикл весенне – летних полевых обрядов и работ, направленных на увеличение и сбережение урожая.

В любом обряде у песни есть своё назначение, её функциональная характеристика.

Песни празднично – поздравительные, величальные и корильные. Песни – заговоры, песни обрядово – процессуальные, песни – жалобы.

Основные очаги календарно – обрядовой песенности сосредоточены в южных районах области – Себежском, Невельском, Великолукском. На этой территории выделяются две самостоятельные песенные традиции – себежская (юго – западная) и великолукская (верхне–ловатская).

В Невельском районе при прекрасной сохранности местной культуры календарно – обрядовых песен, мы сталкиваемся с явлениями взаимодействия себежской и великолукской традиции.

Библиография:

1. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно – этнографического центра. В 2 т. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002.

2. Песни псковской земли. Выпуск1. Календарно – обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) Составитель А. Мехнецов.